

ВОСПОМИНАНИЯ ЮНЫХ ЛЕТ*

П. Кремена

Осень 1921 года. Молодой республике в связи с НЭПом нужны свои советские хозяйственные кадры. И вот профтехшкола, созданная в начале 1920 года на базе 4-7-х классов Харьковской 2-й мужской гимназии, реорганизована в Харьковский социально-экономический техникум.

Накануне начала занятий мы, кадровые учащиеся – бывшие гимназисты – помогали хозяйственной части размещать нехитрое школьное имущество, доставшееся техникуму от гимназии, в новом помещении, а точнее – в бывшей квартире директора гимназии в доме №4 по Лопанскому переулку. Несмотря на хозяйственные хлопоты, я с любопытством разглядывал группы учащихся-новичков, заполнивших тесный коридор, служивший одновременно вестибюлем. Это была непривычная, на первый взгляд, публика, состоявшая сплошь из великовозрастной молодежи обоего пола, жаждавшая совместить работу на производстве и в учреждениях с учебой в вечернем техникуме.

Поэтому не удивительно, что мое внимание привлек совсем молодой паренек, находившийся тут же с какой-то женщиной. Он был на вид рослый, чуть сутулящийся, но по возрасту не более 14-15 лет. На другой день до начала лекций, когда мы – группа бывших гимназистов – укладывали книги библиотеки, этот паренек обратился ко мне: "Давайте и я буду помогать". "А ты тоже будешь у нас учиться?" – откликнулся я вопросом, выражая в то же время сомнение в том, что разговариваю со студентом. "Вчера, – то мама тебя приводила?", – снова спросил я его. "Да, то была моя мать. Она только оформила меня в техникуме и уезжает: она не здешняя, а я живу здесь рядом на Лопанском с сестрой; служу курьером и буду учиться в техникуме".

Эта саморекомендация сразу же расположила меня к собеседнику.

Так я познакомился с Колей Измайловым. В тот холодный и голодный год жизнь и учеба были тяжелые. О нормальных условиях академической жизни техникума можно было только мечтать. Занятия при коптящих железных печках, а то и вообще в холодных аудиториях, частое отсутствие электроэнергии – были обычным явлением. Не ладилось дело и в учебной

* *Воспроизводится по рукописи из архива кафедры физической химии Харьковского университета.*

части: не хватало преподавателей, не было ясности ни в учебном плане, ни в самом профиле техникума. Разумеется, отсутствовали какие бы то ни было учебные кабинеты и лаборатории. Вся учеба сводилась к слушанию лекций, а хозяйственные дела техникума кое-как велись при самостоятельном обслуживании самими студентами. Учебная дисциплина основывалась исключительно на сознательности самих учащихся.

Не удивительно, что посещаемость лекций в то время была далеко не полной. А так как контингент учащихся в первый год существования техникума был крайне невелик – каких-нибудь 50-60 человек, – меня лично весьма тревожила мысль – выживет ли техникум или тихо скончается. Последнее грозило прекращением моей дальнейшей учёбы вообще, так как о поступлении в институт без рабочего стажа и в силу малого возраста (мне было тогда только 15 лет), нечего было думать.

Понятно, что мои личные симпатии к однокашникам определялись личными качествами каждого из них: для меня хороши были те, кто серьезно относился к учёбе и аккуратно посещал лекции, принимал участие в самостоятельном обслуживании техникума. Одним из лучших активистов по таким моим понятиям был мой новый товарищ – Коля Измайлов.

Коля со своей стороны симпатизировал мне. Сказывалось, видимо, то обстоятельство, что я был одним из наиболее молодых студентов, то есть его сверстником.

Все же нельзя сказать, что в первый год совместной учебы мы с Колей были близкими друзьями. Встречались мы только в учебные дни и часы; Коля днем был занят служебными и личными хозяйственными делами, я же, не связанный службой, постоянно вращался в среде давнишних своих товарищей-холодногорцев.

С началом следующего учебного года случилось много перемен. Техникум получил статус вуза и новое помещение на Рыбной улице у Харьковского моста. Значительно расширился контингент учащихся; в учебном плане появились новые дисциплины. Чувствовалось, что техникум становится солидным (по тем временам) учебным заведением. У нас, студентов, появилось больше забот в отношении самостоятельной внеклассной работы. Появилась необходимость в товарищеской взаимопомощи.

Следует, впрочем, сказать, что домашняя (или в библиотеке) проработка учебного материала в период нашей совместной учебы с Колей, как правило, выполнялась каждым из нас самостоятельно. Коллективно мы

(включая еще двух наших ближайших друзей – Бориса Цветухина и Исаака Аксельрода) работали обычно лишь перед сдачей зачетов, в целях самопроверки и в силу случайной нужды в консультации товарищей, либо в тех случаях, когда приходилось пользоваться добытыми на время ведомственными материалами – инструкциями, статистическими данными и т.п.

Новые условия и, отчасти, то обстоятельство, что с начала второго учебного года Коля (после отъезда сестры в Москву) оставался один, способствовали дальнейшему нашему сближению и упрочению нашей дружбы.

Выбор экономического профиля своей учебы был случайным и для меня, и для Коли. Связь с сельским хозяйством с детства породила во мне влечение к агрономии. Но обстоятельства тех лет и малый возраст заставили меня пришвартоваться к экономическому техникуму на попутной волне школьной реформы. Для Коли же поводом поступления в экономический техникум послужило случайное соседство квартиры и техникума; кроме того, сыграло свою роль и то обстоятельство, что техникум был вечерний: можно было совмещать учебу с работой для заработка.

Немало наших товарищей, которые попали в наш техникум без намерения специализироваться в экономической области, через год, два, а то и три года отсеялись, выбрав путь соответственно своему призванию. Например, Золотухин Володя поступил на радиотехнические курсы, Королев Николай – поклонник физических наук – поступил в ИНО (б. Харьк. университет), Клебанов Митя ушел в консерваторию, Сегедин Николай – в авиацию, Рубан Вася и Сериков Ваня поступили на курсы электросварщиков.

Если у меня в те годы еще была тяга к агрономии, то у Коли, насколько мне помнится, не было никакой мечты-фантазии, но было большое желание получить образование, была просто тяга к знаниям. Романтика, по крайней мере, в юные годы, была чужда ему. Не удивительно, что мы оба в 15-16 лет не помышляли о поисках более привлекательной специальности, а довольствовались тем, что в своей школе дела шли на поправку. Отчасти в этом проявлялась свойственная нам обоим черта – доводить начатое дело до конца.

В то же время мы начали проявлять интерес и к экономическим наукам. Сказывалось влияние на формирование нашего сознания и убеждений бурной общественно-политической жизни периода Октябрьской революции и гражданской войны, а затем восстановительного периода. Ведь

события хозяйственной жизни страны в ту пору нас, юнцов, тревожили не меньше, чем взрослых людей, ибо над всеми довлели общественные и личные экономические проблемы.

Одновременно наш интерес к экономике ширился и под благотворным влиянием лекций по экономическим дисциплинам, в частности, по политической экономии (проф. Остапенко) и по статистике (проф. Жилкин).

Среди неосведомленных учащихся в то время бытовало мнение о политэкономии как о дисциплине политической, пропагандистской. До того (на 1 курсе) я и сам пытался изучать политэкономия по учебникам Селезнева и Туган-Барановского. Но ничего толком у меня не получалось; у меня складывалось впечатление, что политэкономия – это не больше, как набор догм, построенных на личных убеждениях авторов.

Извращенные представления о политэкономии у нас рассеялись после первых же лекций профессора. Насколько занимательно было чтение курса, можно судить по тому, что лекции политэкономии проходили при переполненной аудитории, слушали эти лекции и первокурсники. Хорошо запомнились мне наставления профессора о том, что экономическая теория требует творческого осмысленного усвоения этой науки, что политэкономия (в то время политэкономия капитализма) невозможно изучать по учебнику, хотя написанному самим профессором.

В общем у нас не умудренных житейским опытом юнцов в то время вкус к экономике прививался довольно успешно. Об этом можно судить уже по тому, что мы живо интересовались довольно обширной экономической периодической печатью того времени.

Нельзя не вспомнить о материальных трудностях, которые приходилось переживать в ту пору пролетарскому студенчеству, особенно студентам-одиначкам, подобным Коле Измайлову. Жизнь в первые годы нэпа была дешевая; продуктов питания и промтоваров в продаже имелось в избытке. Но в связи с массовой безработицей многие горожане не имели и скромного заработка.

Случилась такая беда и с Колей. В начале 1923 года был расформирован госпиталь, в результате чего он остался без заработка.

О действительной нуждаемости Коли можно было только догадываться: даже в наиболее трудные моменты он не жаловался хотя бы близким друзьям. Вообще роптать на трудности – было не в его характере. Помощь от кого-либо из родных он, если и получал, то немного и не регулярно. Демисезонное пальтишко, брюки не по росту короткие, рабочие

ботинки, кое-как поддерживаемые с помощью гвоздей и авторезины, знакомые мне с первой встречи, приходилось видеть на Коле не одну зиму и осень.

Каково было материальное благополучие Коли и ему подобных безработных студентов можно судить по тому факту, что брались они за любую случайную временную и поденную работу: помогали геодезистам на съемках, разгружали на товарной станции из вагонов стройматериалы, а чаще всего работали в качестве бродячих пильщиков дров, являвшихся в те годы одним из основных видов топлива. Помню, как мы были довольны, когда летом 1924 года мы – группа студентов, по протекции одного из наших преподавателей инженера Шраманко были приняты на сезонную работу в качестве чернорабочих-землекопов. Обеспечивались не ахти как: 75 копеек зарплаты в день деньгами и бесплатный проезд на работу трамваем, но зато заработок более или менее регулярный!

Правда, примерно в продолжение 1923-24 г.г. Коля пользовался государственной стипендией. Но стипендия, особенно на первых порах, была мизерная. Вначале выдавали ежемесячно: пуд ржаной муки, фунт растительного масла, два-три фунта пшена. С введением твердой валюты стали выдавать денежную стипендию – 5 рублей в месяц. Потом постепенно стипендию повысили до 20-25 руб. Более или менее сносные были у Коли квартирные условия. Все студенческие годы – до и после переселения сестры в Москву – Коля занимал комнату на 4-м этаже дома №6 по Лопанскому пер. Вскоре после отъезда сестры у него поселился еще один жилец. Квартирного комфорта не было, но условия всё же были сносные: я не помню ни жуткого холода, ни орошения с потолка, столь обычных в городском быту того времени.

Несмотря на трудные материальные условия жизни, Коля за годы учебы в техникуме и институте серьезно не болел. Случавшиеся недомогания не пугали. Так что со стороны здоровья помех в учебе у Коли не было.

При всей своей скромности и молодом возрасте Коля (а он был самый молодой по возрасту среди однокашников) пользовался всегда авторитетом и среди студентов, и среди преподавателей. Это была не скромность тихони, а скромность, выражавшая отсутствие зазнайства, грубости и самомнения; скромность, проявлявшая сдержанность и такт по отношению к другим. Не преувеличивая, можно отметить, что за годы нашей совместной учебы и дружбы не было случая, чтобы Коля с кем-либо поссорился (не здороваясь, или не разговаривая несколько дней), либо конфликтовал. Не наблюдались за

ним и такие вещи, как драка (силенки то у него было больше, чем у многих наших товарищей), сквернословие, издевка над товарищем.

Будь Коля просто тихоня или воспитанный молодой человек с благородными манерами, отношение к нему было бы иное, даже противоположное. Каждого из нас располагало к Коле то, что он был джентльмен душой. И не на словах, а на деле.

Вспоминается такой эпизод. В начале 1923 года нашему техникуму Наркомпрос впервые выделил 4-5 стипендий для нуждающихся успевающих студентов. И, несмотря на то, что у Коли не было никаких революционных заслуг, ни общественного положения, что имелось у немало нуждающихся студентов из демобилизованных красноармейцев и командированных на учебу «комнезамами», что академическая успеваемость официально в то время еще не учитывалась, его на стипендию зачислили, и никто по поводу этого не возражал. Другой случай. Позже, в 1925 году, когда Коля был зачислен в штат работников техникума (как лаборант), его тотчас избрали в состав месткома.

Характерной чертой у Коли была принципиальность. Например, он до последних дней учебы в качестве студента всерьез и основательно осваивал полный курс своего факультета, включая все специальные дисциплины. Другой на его месте всё далёкое от химии пытался бы по возможности обходить, тем более, что можно было рассчитывать на поблажки при сдаче зачетов, как сотруднику техникума и института.

Вспоминается такой случай. Летом 1924 года на общественных работах Коля проработал с нами в качестве чернорабочего первые два дня на укладке рельсового пути, после чего прораб забрал его, как наиболее исполнительного (из числа хорошо грамотных рабочих), к себе в контору табельщиком. Имея, таким образом, «блат» наши ребята стали нередко пользоваться возможностью пораньше уходить с работы без ведома десятника. Коля помогал в этом, считая такое соучастие несущественной поблажкой, поскольку задание – "урок" – мы выполняли обычно задолго до конца смены. Кое-кому из ребят захотелось поманкировать иной раз целой сменой, в расчете на то, что свой табельщик не даст в обиду – поможет. Однако Коля наотрез отказался содействовать в таких махинациях. И когда впоследствии ребята обманым путем как-то воспользовались его неумышленным содействием, он очень был огорчен своим промахом: разоблачения этого случая начальством нечего было опасаться, плохо было то, что допустил нарушение трудовой дисциплины товарищами сверх меры, притом нарушение мошеннического характера.

Как я уже отмечал выше, в первые годы нашей совместной учёбы в Коле не замечалось увлечения чем-либо: техникой, коллекционированием, спортом, литературой или какой-либо отраслью знаний. Но незаурядные способности к учёбе вообще у него были, причем эти способности приумножались прилежанием, усидчивостью.

В пример можно привести успехи в экономических науках, которые, казалось бы, в его возрасте при отсутствии достаточного житейского опыта должны трудно даваться при изучении. Как-то, еще на втором курсе, профессор предложил кому-либо из студентов взяться подготовить и зачитать в аудитории реферат на одну из тем по политэкономии, пользуясь учебником профессора. Никто из студентов не осмелился взять на себя эту задачу. Тогда я взялся за это сам, полагая, что товарищи видят трудность в том, что учебник написан по-украински. И в качестве оппонента я привлек своего друга Колю. На очередном занятии после нашего выступления профессор остался очень доволен тем, что и докладчик, и оппонент творчески выполнили свою задачу – и проявили хорошие знания по пройденным разделам курса. В своей оценке он даже предрек нам профессорскую будущность.

Второй пример. На третьем курсе техникума нам пришлось изучать высшую математику. Хотя это был элементарный курс и читал его хороший математик и педагог – доц. Чернушенко, нам он давался с трудом: сказывались пробелы в изучении элементарной математики и аналитической геометрии, а также то обстоятельство, что с математикой нам уже полтора года не приходилось иметь дело. Но Коля Измайлов один из всех сдал зачет на "ОТЛИЧНО".

На нас студентов, в том числе и на Колю Измайлова, огромное воспитательное влияние оказывала высокосоциальная, а в иных случаях и самоотверженная работа наших педагогов. Некоторые из них, несмотря на тяжелые бытовые условия и трудности в академической жизни техникума, а затем и инхоза, отдавали нам – учащимся сил и времени намного больше, чем это формально требовалось по учебной программе. В этом отношении особенно светлую память о себе оставили Николай Александрович Федоровский и Александр Федорович Левитский. Первый – читал у нас курс химии, а затем (наряду с проф. Головченко) товароведение; второй – экономическую географию. Одновременно он заведовал учебной частью

Н.А. Федоровский – щуплый, подвижной старичок читал свой курс увлекательно не только для студентов, но для самого себя. Не погрешу против истины, если скажу, что лекции по химии были у нас наиболее

веселой частью учебы. Много раз в продолжение лекции чудодейственные превращения химпрепаратов, а то и самих химических формул, написанных мелом на доске, вызывали восторженную реакцию самого лектора, поддерживаемую дружным смехом всей аудитории.

В 1922-23 г.г. в техникуме не было и намека на химкабинет или лабораторию. Чтобы не ограничиваться чтением отвлеченных лекций и пробудить у студентов требуемый интерес к химии, Николай Александрович приложил немало личного труда, старания и изобретательности. Не забыть тех первых дней знакомства с химией, когда в стужу и непогоду наш учитель появлялся в холодной аудитории с кошелкой, наполненной мелкой лабораторной посудой вперемешку со столовой посудой, склянками и пакетиками, наполненными незамысловатыми препаратами и реактивами, добытыми где только можно и как только можно при помощи друзей и добрых людей (о покупке или плановом снабжении всем этим не приходилось и помышлять в те времена). Как бы извиняясь за скромность импровизированной лаборатории, Николай Александрович, демонстрируя химреакции, часто вселял в нас уверенность, что недалек тот час, когда и мы будем располагать всамделишной лабораторией с полным набором приборов, реактивов и с вытяжным шкафом. И его же стараниями через полтора-два года учебный химкабинет действительно был создан.

Как бы ни была скромна импровизированная лаборатория, лектору без помощника не обойтись. Самодеятельные помощники у Николая Александровича нашлись – это были мы с Колей. Правда, я мало выступал в качестве такого помощника. Меня смущали шутки, направленные в мою сторону из аудитории, когда я оказывался рядом с лектором: ассистент, доцент.

Коля на подобные шутки не реагировал. "Говоришь – смеются? Ну и дураки. Пускай смеются. Старику-то надо помочь? Да и нам ведь будет больше пользы." Так бывало высказывался Коля.

Н. А. Федоровский очень уважал и любил Колю. Даже в первые два года, до того как стал штатным работником хим. кабинета, Коля получил от своего первого учителя-химика много больше того, на что может рассчитывать обычно технический помощник преподавателя. Н. А. Федоровского по праву можно считать крестным отцом Коли в химии. И кто знает, какой дорогой пошел бы Коля дальше, не повстречайся на нашем пути этот добряк и энтузиаст-педагог.

По-своему примечательным был другой наш любимый педагог А. Ф. Левитский, знакомый мне еще по гимназии. У нас в 3-м и 4-м классе гимназии он преподавал латынь и русскую историю. Уже тогда (правда, это было в 1918-19 г.г.) в методике преподавания истории Александром Федоровичем заметно проявлялось новаторство. Например, практиковалось коллективное чтение на уроках литературных произведений на исторические темы. Помню, с каким огромным интересом слушали мы мало кому известные тогда "Рассказы из русской истории" Л. Э. Шишко, текст письма запорожцев турецкому султану и разные исторические акты. Лично я никогда не проявлял особого рвения в изучении истории, тем не менее, Александр Федорович по собственной инициативе снабжал меня исторической литературой из собственной библиотеки: ему были видны мой относительно широкий кругозор и не детская осведомленность в общественной жизни того времени, поэтому он считал своим долгом поощрять мою любознательность и склонность к самостоятельной работе над книгой.

А. Ф. Левитский начал работать в нашем техникуме, переименованном в Финансово-экономический и переведенном в новое помещение по Плетневскому пер., с осени 1923 г. Довольно внушительная комплекция и немолодой возраст не служили помехой его неиссякаемой энергии и подвижности. Как заведующий учебной частью он немало способствовал развитию и нормализации академической работы техникума, а как педагог – преподаватель экономической географии, он и здесь проявил себя отменным новатором.

В то время уже имелись изданные советские учебники по экономической географии профессоров Баранского, Воблого, Синицкого и др. Иной на его месте, пользуясь готовым учебником, или, в лучшем случае, подновляя последний свежими публикуемыми статистическими данными, ограничился бы нехлопотным чтением шаблонного курса этой дисциплины. Но Александр Федорович применял требующий большого труда и постоянных усилий метод преподавания экономической географии. Он тратил много времени и труда на постоянное собирание живого, самого свежего и достоверного фактического материала в Наркоматах, ЦСУ, Госплане и научно-технических библиотеках Харькова. Для приближения учёбы к жизни он ввел в систему производственные экскурсии студентов на предприятия, в учебные хозяйства и т.п. Поскольку экскурсии невозможно было уложить в академические часы, отведенные учебным планом по этому предмету (требовалось слишком много времени; к тому же многие студенты

в дневное время, когда могли проводиться экскурсии, были заняты на работе), поэтому наша экскурсионно-краеведческая работа носила факультативный характер и осуществлялась в порядке кружковой внеакадемической работы.

Естественно, что при таких обстоятельствах сформировался актив экскурсионного кружка из тех студентов, кто больше интересовался этим делом, больше уделял ему времени и непосредственно выполнял необходимую организационную работу. В числе первых активистов кружка были я и Коля. Не было той отрасли производства или хозяйства, с которой мы не познакомились в натуре, благодаря экскурсиям. За три года мы ознакомились с деятельностью десятков заводов, фабрик, рудников и различного рода хозяйств в Харькове и за его пределами. И в каждой экскурсии (за редким исключением) с нами был наш руководитель Александр Федорович.

Хотелось бы особо отметить одну из крупнейших экскурсий экспедиционного характера, проведенную летом 1924 года в составе 10 чел., включая руководителя, по промышленным центрам Украины – в Донбасс, Екатеринослав, Кривой Рог, Николаев.

В Славянске мы ознакомились с добычей соли разными методами и с электрофарфоровым производством, в Краматорске – с выплавкой чугуна и стали, с коксохимией и тяжелым машиностроением, в Артемовске – с шахтным способом добычи соли, в Лисичанске – с производством стекла и шахтной добычей угля, на Донецком содовом заводе в Переездной – с производством кальцинированной и каустической соды, в Горловке – с добычей угля, в Никитовке – с добычей руды и выплавкой ртути, в Юзовке и Екатеринославе – с комплексом металлургических производств и коксохимией, в Кривом Роге – с добычей железной руды в шахте и на карьерах, а также с производством минеральных красок, в Николаеве – с морским портом, судостроительным заводом и хлебным элеватором.

Плохо одетые, полуразутые, подчас голодные и утомленные долгими маршами, мы мало реагировали на трудности, какие нам приходилось преодолевать. А трудностей было много: за 25 дней надо было изъездить свыше двух тысяч километров и исходить сотни километров пешком (нередко – босиком). Финансовые ресурсы были скудные: большинство из нас сбережений не имело, т.к. принадлежали к безработным (на общественных работах, как я уже отмечал, заработок наш равнялся 75 копейкам в день и до отъезда в экскурсию мы успели проработать там немногим более месяца). Основное, чем мы располагали – 250 руб. на всю

группу, отпущенные нам шефом техникума – Харьк. Товарной биржей. Сумма по тем временам солидная, но не для такой экспедиции (хотя бы и с 75% скидкой за проезд по железной дороге, которая обеспечивалась в те времена учащимся ВУЗов).

Помню, что при всем нашем старании экономить время и деньги, посетить Одессу мы уже не могли; пришлось поворачивать домой в Харьков из Николаева.

Эта первая поездка по Украине (в 1925 году Коля вновь выезжал в дальнюю экскурсию, а я в связи с поступлением на работу не мог принять в ней участие) послужила особенно действенным стимулятором нашего интереса к научно-техническим и хозяйственным проблемам. Лично я особенно заинтересовался горно-заводской промышленностью, проблемами минерального сырья и топлива. Колю же увлекла технологическая сторона использования минерального сырья и топлива (он в ту пору уже был чуть-чуть химик), особенно – химическая технология.

Не помню, была ли кем подсказана идея создания учебного кабинета товароведения, или автором её был сам Коля. Но с первых дней упомянутой экскурсии он стал собирать и опекать образцы всевозможного сырья и материалов. Всякий раз после посещения завода или рудника он возвращался на место ночевки с грузом в карманах и в руках. И, нужно отдать ему должное, от своей хлопотной затеи он не отказался: в Харьков мы вернулись с изрядным набором экспонатов. Сбор образцов был нами продолжен и при последующих экскурсиях на харьковские предприятия. За каких-нибудь полгода химический кабинет пришлось переименовать в кабинет химии и товароведения, так как коллекция экспонатов исчислялась сотнями.

Наши экскурсии отнюдь не сводились к тому, чтобы лишь поглазеть, потрогать, что есть нового, ради простого любопытства или проехаться куда-либо для развлечения. Нас интересовала и технология, и организация производства, и проблема снабжения сырьём, и качество продукции. В экскурсиях мы не пасовали ни перед трудностями, ни перед опасностью.

Вспоминаю такой эпизод. На горловской шахте «Кочегарка» сопровождавший нас штейгер заметил: «Вижу, что вы серьезно интересуетесь производством. Но, если вам показать только то, что допускается правилами, после лисичанской шахты вы здесь нового интересного и самого главного не увидите. Хотелось бы показать вам выемку угля в лаве, в уступах. Если среди вас есть смельчаки, возьму на себя смелость пролезть с небольшой группой с верхнего горизонта на нижний по

уступам и показать, как работают забойщики. Учтите, что наша шахта весьма опасная по газу».

Мы с Колей, разумеется, оказались в пятерке «отважных» и воспользовались этой возможностью познакомиться с подземной "экзотикой" угледобычи с помощью монопольного в те времена забойщицкого обушка. Для меня это явилось первым крещением на крутых пластах угольного Донбасса, с которыми позже пришлось иметь дело не один год.

Возвращаясь к нашему учителю – Александру Федоровичу – я должен отметить ещё тот факт, что он оказал нам – наиболее активным учащимся – большую пользу собственно воспитательными мерами: стимулировал инициативность и организаторскую активность, прививал склонность и навыки в самостоятельной исследовательской работе. Не случайно 1-я Всеукраинская конференция по краеведению, состоявшаяся в Харькове в 1925 году, организована была при нашем активном участии. Конференция, в частности, проявила большой интерес к работе нашего кружка. Кружковые занятия явились не только хорошим семинаром по экономической географии. Подготовка докладов и рефератов на базе и в развитие сведений, собранных в порядке экскурсионной работы, представляла собой пусть элементарную, но живую исследовательскую самостоятельную работу каждого из нас. Что это выходило за рамки школярства, можно судить по такому факту: одной моей работой "Славянская соляная промышленность" заинтересовался и издал отдельной брошюрой Московский НИИ им. Тимирязева.

На общей почве этих наших первых работ и знакомства с химией у Н. А. Федоровского формировался как будущий ученый-исследователь и Коля Измайлов.

Благотворное влияние на Колю оказал ещё один из бывших педагогов техникума – В. А. Лезин; но не в смысле образовательном, а скорее в смысле воспитательном. В. А. Лезина я знал ещё по гимназии. На 1 и 2 курсах техникума он преподавал русский язык и литературу, а после того, как эти дисциплины сняли с учебного плана, он заведовал библиотекой. Будучи штатным лаборантом, Коля много общался с ним в качестве товарища-сослуживца, хотя В. А. Лезин был по меньшей мере вдвое старше его по возрасту. Сближало их взаимное уважение и любовь к шахматам. В. А. Лезин был не только высокообразованный человек, но и отменный шахматист.

Примерно к осени 1924 года относится тот момент, когда Коля твердо находит свое призвание в химии. Как можно заключить из ранее сказанного, к этому моменту у него создалась и творческая зарядка на почве

экскурсионно-краеведческой работы. В то время в техникуме организуется химический кабинет, в связи с чем у него появилась возможность сделать индивидуальные занятия по химии более содержательными и интересными. Правда, насколько мне помнится, до начала 1925 года – пока не была введена штатная должность лаборанта – Коля оставался на положении самодеятельного, добровольного технического помощника Н. А. Федоровского. Но это обстоятельство не имело существенного значения, тем более, что скромным заработком на общественных работах (работая табельщиком) Коля был обеспечен.

С начала 1924/25 учебного года в техникуме была введена специализация по факультетам, и, чтобы подтянуть учебный план до требуемого уровня, обучение на нашем третьем курсе было продлено на год. Студентам было предоставлено право самим выбирать факультет для дальнейшей учёбы.

Я выбрал банковый факультет, суливший по моим расчетам более разностороннюю экономическую подготовку. Коля же без колебания пошел на торговый факультет, имея ввиду, что товароведение на последнем будет одним из ведущих курсов и связь с химией останется прочной.

В тот период Коля начинает уделять много труда и времени самостоятельной учебе по химии, а также по ликвидации пробелов общего образования, главным образом, по математике и немецкому языку. Еще в большей мере начинают проявляться свойственные ему прилежание, бережливость в отношении траты времени, умение самостоятельно работать над специальной литературой. Не чуждался он и художественной литературы, но читал её уже заметно меньше.

Важным качеством у Коли, даже в первые студенческие годы, было: творческий интерес к любому изучаемому предмету и подлинная активность в учебе, обеспечивавшие хорошую академическую успеваемость и создававшие впечатление у посторонних недюжинных его способностей. Между тем, успехи в учебе Коле давались не так легко, как это казалось со стороны, а ценою упорного, тяжелого труда. Скольжение по поверхности, нанизывание в памяти готовых сведений, фактов, положений не были свойственны ему.

Представляют интерес первые шаги Коли как химика в научном направлении. Углубление теоретических и практических знаний по общей химии, качественному и количественному анализу занимало большое место с первых дней его работы в качестве лаборанта еще в техникуме. Это

углубление знаний носило служебный и образовательный характер. Но уже на второй год работы в лаборатории, будучи еще студентом, он поддается творческому влечению к специальным темам химической науки, имеющим техническую направленность. Нет сомнения, что именно эти первые творческие влечения явились зародышем формирования Коли как ученого – специалиста по физической химии.

Хорошо помню, что одной из первых подобных довлеющих тем была тема газопоглощения. Именно от моего друга до окончания учебы в институте мне стали известны понятия адсорбции и абсорбции (по поводу моих шуток в связи с чрезмерным увлечением его специальными разделами химии).

В последний год учебы бывало заглянешь в свободный день или час к Коле домой – он всегда дома. И обязательно с книгой в руках; нередко с немецко-русским словарем. Заметишь: «не нудная ли это вещь, заниматься переводом с помощью словаря?». Коля улыбается и в оправдание отвечает: "Да, дело трудноватое, а порой и досадное, когда подобрав, казалось бы правильные значения и смысл слов, получаешь в русском переводе бессмысленный текст. Зато какое получаешь удовлетворение, потрудившись над переводом, от чего-либо нового и полезного".

Взяв на себя тяжесть самообразовательной и творческой работы, выполняемой параллельно с учебой на последнем курсе института и служебными обязанностями по лаборатории, Коля еще более рачительно стал относиться к своему бюджету времени.

Напомню характерный факт. Коля часто употреблял в домашней еде паюсную икру. В те времена её в продаже было вдоволь; цена на неё была не столь высока, как в нынешние времена, но все же она считалась деликатесом. Как-то я в один из визитов к другу, указывая на остатки бутерброда с икрой, спрашиваю его: «И твой бюджет мирится с этим деликатесом?». Коля отвечает: «Представь себе – да. Особенно бюджет времени: благодаря икре я экономлю немало времени, затрачиваемого на покупку продуктов, приготовление завтрака и на еду».

Бережное отношение к времени у него проявлялось не только в этом.

Нечего греха таить, в те юные годы не миновали и нас первые чувства любви. В связи с этим встал вопрос – как быть? Чувствам был противопоставлен рассудок. И рассудок победил: романы требуют времени и времени немало, а по этому они не совместимы с учёбой, тем более на вечернем факультете.

В этой философии у нас с Колей было полное единство взглядов. К тому же она оправдывалась опытом наших товарищей: ухажёры, или по нашему выражению – «бабники», являлись наиболее неуспевающими студентами; ухажёрство во многих случаях приводило даже к отказу от учёбы. Таким образом, сети коварных амуров нам удалось обойти без особого труда.

Как ни много было в нашей дружбе солидарности, кое в чем мы с Колей все же не сходились. Например, я, как любитель музыки и спорта, участвовал в студенческом струнном оркестре и в гимнастическом кружке, играл в футбол. Коля же от всего этого даже в пору, когда было больше досуга, держался в стороне.

Нельзя сказать, что ко всему этому у него не было никакого интереса. Он просто стеснялся участвовать в таких коллективных играх и занятиях, так как в музыке ничего не умел, а в спорте все у него получалось неладно и неловко, что давало товарищам повод подтрунивать над его мешковатостью.

Впрочем, подтрунивать товарищам над Колей приходилось не всегда: на воде среди нас не было ему равного. Пловецкие способности Коли в немалой мере укрепляли его авторитет в глазах товарищей.

Физкультуру Коля все же ценил. Это видно из того факта, что в последние год-полтора до окончания институтами охотно занимался теннисом и лыжами (насколько позволяло ограниченное время досуга).

В компании друзей Коля довольно охотно посещал кино и театры – музкомедии и драматический, но не любил оперу. Я же, наоборот, предпочитал музыку, особенно оперную, и сравнительно часто посещал оперный театр. Что Коля тоже мог быть ценителем серьезной музыки, если бы чаще её слушал, в этом я не сомневался. Но я учитывал и то, что, когда я стану тянуть друга в оперу или на концерт, без крайней нужды он не станет отказываться, в силу свойственной ему податливости перед товарищами (вне деловой ситуации). А «музыкальные мероприятия» обходились довольно дорого. Во-первых, как ни дешево были в те времена билеты в театр для студентов, все же для этого требовались деньги; иной раз нужно было и схитрить, чтобы пробраться в театральный зал без билета. Во-вторых, посещение концертов и оперы требовало затрат времени; иногда – за счет лекционных часов.

Поэтому от намерения обратиться к другу «в свою веру» пришлось отказаться.

Не схожи мы были и в отношении сочинительства. Несмотря на то, что русский и литературу я не особенно почитал еще с детства, будучи студентом, мне пришлось стать довольно активным студкором. Сочинительство мне давалось сравнительно легко. Без особого труда я подготовил и первый свой печатный труд, о котором упоминал выше. Коля же, хотя и был довольно силен по русскому языку, в годы учебы не склонен был к сочинительству. Скуп он был даже в переписке с друзьями.

Целя время и будучи занятым работой над книгами и в лаборатории, Коля всегда оставался компанейским парнем. Его никак нельзя было упрекнуть в отчужденности, в отрыве от коллектива.

Всякий раз, когда бывало зайдешь к нему на досуге, застаешь его дома. Иногда за шахматами, а чаще всего – за книгой. Бросишь в шутку: «Хватит грызть гранит науки, поднимайся!». И уговаривать не приходилось. Кому-либо другому в таких случаях он, поднимаясь, предлагал сыграть партию в шахматы. Ко мне же, зная мою непоседливость, он обращался с одним и тем же вопросом – «Куда пойдем?». Бывало, мы отправляемся играть в футбол – не на матч, а так просто – погонять мяч, – к нам охотно подключался и Коля. Не для того, чтобы и себе погонять мяч, а просто – побыть в компании на свежем воздухе. Не приходилось уговаривать его принять участие в поездке за город, посещения кино, театра, какого-либо вечера, организации «мальчишника», устраиваемого нами обычно в дни праздника.

Последнее мы проводили в скромных рамках, без излишеств в отношении спиртного, ибо не упускали из виду опасность испортить праздник и себе, и другим. Более опасными были «мероприятия», проводимые иногда в более широком кругу товарищей, среди которых были считавшие неременной доблестью питье водки стаканами. В подобных случаях я лично старался проявить бдительность, чтобы не переступить за рамки допустимого.

Насколько было развито чувство товарищества у Коли, можно судить по такому факту.

В начале 1925 года, будучи зачисленным лаборантом в штат сотрудников техникума, он сделался активным и авторитетным членом коллектива. Естественно, в связи с этим у него появились и новые интересы. Однако это несколько не изменило добрые товарищеские отношения не только к ближайшим друзьям, но и к студенческому коллективу, в целом. Даже в последний год учебы в институте, имея солидную нагрузку в качестве

ассистента профессора, он оставался тем же товарищем – однокашником, но никак не «отрезанным ломтем».

Впрочем, для Коли мы – друзья его юности – всегда оставались его друзьями. И в недавнее время, когда наши житейские пути намного разошлись, при встречах со мной Коля живо интересовался судьбой наших давних товарищей и незабвенных учителей, поставивших нас на путь, ведущий в науку.

Не померкнет память и о тебе, дорогой друг, у оставшихся в живых!

Харьков, 26 – XI – 1961 г.